

•ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ И АРХЕОГРАФИЯ

И. Л. Манькова

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЛАНДШАФТ ПЕЛЫМА В XVII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В статье в широком культурном контексте рассматривается православный ландшафт Пелыма, одного из первых русских поселений за Уральским хребтом. На основе значительного круга источников реконструируется история приходских церквей Пелымского острога с его основания и до середины XVIII в., анализируются размещение храмов в городском пространстве, выбор храмоименований престолов, обеспечение кадрами духовенства и причетников, первые церковные библиотеки и иконы. Обращается внимание на роль священников в местном сообществе. Рассматривается православная топонимика Пелыма на примере названий острожных и городских башен. Автор приходит к выводу, что в результате трансформации роли Пелымского острога в освоении Урало-Сибирского региона из центра колонизации в место ссылки и сбора ясака с вогульского населения окрестной территории не происходит дальнейшего развития православного ландшафта, сформированного в XVII в.

Ключевые слова: *история православия Сибири периода средневековья, православный ландшафт, приходские церкви, Пелым.*

На севере Свердловской области в 48 км от поселка Гари находится деревня Пелым, до которой можно добраться, как и 400 лет назад, только по реке Тавде. Это одно из старейших русских поселений за Уральским

хребтом. Издавна в бассейнах рек Лозьвы, Сосьвы и Тавды проживали вогулы, их основным занятием была охота, дававшая главный источник богатства — пушнину, высоко ценившуюся в мире. В эпоху Средневековья у них появилась своя государственность, во главе Пелымского княжества стояла родоплеменная знать. Подчинение вогульских княжеств Северо-Западной Сибири, в том числе и Пелымского, стало одной из важнейших задач русских дружин в ходе колонизации Сибири.

Подготовка к большому походу в Зауралье с целью окончательного разгрома пелымского князя Аблегирима и подчинения пелымцев началась в 1592 г. Военную экспедицию предстояло возглавить князьям Петру Горчакову, Никифору Траханиотову и Михаилу Волконскому «с товарищи». В Москве разработали план действий, согласно которому по дороге в Сибирь они должны были собрать рати из пермичей, вятчан, вымичей, усольцев и привести их на Лозьву, а также организовать доставку туда оружия, пушечных и хлебных запасов. Далее путь объединенного отряда лежал «в Сибирь в Тоборы». Воеводам предстояло выбрать место под будущий город, поставить острог, уничтожить Аблегирима, его старшего сына Тагая, внуков и «лутчих» людей, «от которых смута была». Остальному населению Пелымского княжества следовало объявить о прощении всех вин, о «государевом жалованье», чтобы они исправно платили ясак, и «от государя на себя опалы больше не наводили». После победы над Аблегиримом Н. Траханиотов со своим отрядом должен был доставить в Тобольск младшего сына пелымского князя Таутия, а П. Горчаков со своими людьми — остаться в Таборах и продолжить строительство города. По мнению А. Т. Шашкова, этот план не был выполнен в полном объеме. Н. Траханиотов не успел получить наказ о совместных действиях с П. Горчаковым, потому что ушел на реку Сосьву раньше, чем пришла царская грамота, и в 1593 г. уже строил там город Березов. Строительство русского форпоста в Таборах легло на плечи отряда П. Горчакова¹.

В царском наказе П. Горчакову нет однозначных указаний, где должен был находиться будущий город. Острог мог быть построен как на новом, так и на месте «старого города» — центра Пелымского княжества. В любом случае воеводе предписывалось разорить «старой го-

¹ Шашков А. Т. «Земли сибирския город Березов» // Он же. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 683–684.

родок», «чтоб у Тоборовских людей города не было». Очевидно, таким образом московская власть стремилась лишить местное население всех надежд на возрождение былой государственности, уничтожив правившую династию, пелымскую элиту и административный центр. Новый город становился форпостом российской власти в бассейне реки Тавды. Вовлечение вогулов Таборинских и Кошуковских юртов в новый государственный порядок заключалось не только в объясачивании. Предполагалось, что П. Горчаков призвет их заготавливать лес для строительства города, но поначалу из предосторожности не следовало пускать пелымцев в город, а дать им место возле острога².

Воеводе П. Горчакову и письменному голове С. Ушакову предстояла большая работа по обустройству нового города: обеспечение безопасности, строительство житниц под хлебные запасы, распределение дворовых мест, и т. д. Разрешалось «устроить» в городе 50 конных казаков и 100 пеших стрельцов. Крестьяне — переведенцы из Каргополя, Перми и Вятки — должны были построить слободу около города и обрабатывать государственную пашню. Предполагалось, что часть населения Таборинских и Кошукских юртов также будет заниматься земледелием и платить хлебный оброк вместо ясака.

Оказавшись на месте, П. Горчаков и С. Ушаков решили строить город на старом Пелымском городище, расположенном на расстоянии около версты от впадения реки Пелым (Пелымки) в реку Тавду³. Очевидно, отряд добрался до места к лету 1593 г. и начал строительство. Так, уже 14 июня 1594 г. десятник Тимофей Евтюгин с товарищами письменно поручились за новоприборных стрельцов в «новом Пелымском городе»⁴. Первыми жителями Пелыма стали люди, пришедшие вместе с П. Горчаковым, — это 10 детей боярских, 50 конных и 100 пеших казаков, набранных в разных поморских городах, а также 11 семей ссыльных и 40 семейств крестьян из Пермской и Вятской земель. Разгром пелымского князя Аблегирима и установившиеся относительно

² Наказ князю Петру Горчакову, посланному в Сибирь для устройства тамошних дел и для строения города Пелыма. Декабрь 1592 г. // Миллер Г. История Сибири. М., 2005. Т. I. С. 339–346.

³ Расстояние приведено по данным Г. Миллера 1742 г. См.: Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / пер. и подг. текста, предисл., коммент. А. Х. Элрета. Екатеринбург, 2006. С. 220.

⁴ Миллер Г. История Сибири. Т. I. С. 354.

ровные подданнические отношения коренного населения с русской администрацией способствовали тому, что уже не требовалось держать в Пелыме такой многочисленный гарнизон, поэтому часть служилых людей перевели в Туринск. По данным 1625 г., в Пелыме проживало 75 служилых людей. Неудачным оказался опыт развития земледелия в Пелымском уезде в силу суровых природно-климатических условий и сильной заболоченности окрестных земель. Поэтому к концу первой четверти XVII в. на посаде Пелыма находилось всего лишь 4 крестьянских двора⁵. В 1701 г. в Пелыме проживал 81 человек из «служилых, ружников и оброчников» и 54 государственных крестьянина. Под управлением города находились 10 волостей, в которых числилось 459 ясачных людей⁶.

В 1742 г. во время путешествия по Северо-Западной Сибири в Пелыме побывал известный историк Г. Миллер. В своих путевых записках он отметил, что «город расположен на ровном месте и на достаточной высоте от реки, так что можно не опасаться никаких наводнений, однако местность очень плохая и болотистая, так что в летнее время не по воде едва ли можно пройти несколько верст, хотя хлеб и сеется, но родится он не всегда... часто выпадают ранние заморозки, которые совершенно уничтожают урожай»⁷. К середине XVIII в. численность населения Пелыма существенно сократилась. По данным Г. Миллера, насчитывалось всего 36 дворов (3 двора церковнослужителей, 3 подьячих, 2 казачьих и 28 разночинских), «по которым можно судить о плохом виде города»⁸.

В царском наказе П. Горчакову предписывалось вместе со строительством города поставить «всею ратью» церковь во имя Рождества Христова с приделом во имя святого Николая Чудотворца. Начало наказа П. Горчакову не сохранилось, по косвенным данным Г. Миллер считал, что он был составлен в конце 1592 г.⁹ Поскольку документ готовился, скорее всего, в декабре, то можно предположить, что выбор посвящений престолов связан с наиболее значимыми праздниками этого

⁵ Буцинский П. М. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. М., 2012. С. 160–161.

⁶ Первое столетие сибирских городов. XVII век / сост. Н. Д. Зольникова, А. И. Мальцев, Д. Я. Резун. Новосибирск, 1996. С. 156.

⁷ Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 222–223.

⁸ Там же. С. 221.

⁹ Миллер Г. История Сибири. Т. I. С. 274.

месяца — Рождеством Христовым (25 декабря) и памятью святителя Николая Мирликийского (6 декабря). Судя по контексту документа, строительство церкви было неотъемлемой частью плана устройства нового города с православным населением, то есть создания необходимых условий для его жизни. Какие-либо идейно-просветительские, миссионерские мотивации строительства церкви и выбора храмоименований в наказе П. Горчакову не прослеживаются.

В документе содержится подробная инструкция об обеспечении будущей церкви клиром и всем необходимым для богослужения. П. Горчаков привез из Москвы книги, иконы, колокола, ладан, темьян, воск и церковное вино. Дякона он должен был забрать по дороге в Ростове Великом. По распоряжению ростовского архиепископа кандидата на эту должность предстояло выбрать местному духовенству. Священника предписывалось взять в Перми из ссыльных жителей Углича. Подъемные деньги (подмогу) в размере 40 руб. диакону, так же как и другим представителям духовенства, выбиравшимся для служения в Сибири, должны были собрать с посадских и уездных священников. В наказе не сказано о подмоге попу, видимо, она ему не полагалась как ссыльному.

Рождественская церковь была построена уже к 14 июня 1594 г., поскольку послухом при составлении упоминавшейся выше поручной записи десятника Тимофея Евтюгина за новоприборных стрельцов указан церковный дьячок Любим Скориков сын Куликов¹⁰.

Несмотря на трудные времена для российского государства начала XVII в., из Москвы время от времени отправляли царские пожалования для сибирских церквей, получали их и в Пелыме. Так, в 1601 г. по велению царя Бориса Годунова в сибирские города была отправлена большая партия книг, икон, различной церковной утвари, в частности колокол для пелымской церкви¹¹. В 1607 г. от имени царя Димитрия Иоанновича (Лжедмитрия I) в этот храм доставили печатное на престольное Евангелие¹².

В июне 1621 г. пожар уничтожил почти весь город. Его восстановление продолжалось до 1623 г.¹³ Лес на строительство церкви, съезжей

¹⁰ Миллер Г. История Сибири. С. 354.

¹¹ Там же. С. 396.

¹² ОР РГБ. Ф. 256. Д. 47.83. Л. 4.

¹³ Подробнее об этом см.: Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма 1623 г. // Проблемы истории России. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 438–444.

избы и амбаров заготовливали ясачные вогулы, а возводили постройки «торговые люди» — вычегжане, вымичи, пермичи и усольцы, приезжавшие торговать в Пелым и Тобольск. Как сообщалось в отписке воеводы П. Вельяминова 1622 г., «храм теплой, по прежнему два престола — Рождества Христова и Чудотворец Никола» построили вновь «на старом месте»¹⁴. Встала проблема восстановления внутреннего убранства храма. Как раз летом 1622 г. через Пелым в Тобольск везли ссыльного луцкого иконописца Ивана Степанова с женой. Пелымский воевода воспользовался случаем и задержал иконописца в Пелыме «для иконного письма», потому что «и острог, и церкви и образы погорели». По мнению А. В. Полетаева, И. Степанов находился в Пелыме 4–5 месяцев¹⁵.

Новую церковь построили с трапезной и «колокольницей». В дзорной книге 1625 г. указано, что она находилась «в городе» и была «мирским строением»¹⁶. В соборе имелись местные образа Рождества Христова и Николая Чудотворца, иконостас на 7 досках и двумя царскими дверями, запрестольный образ Богородицы. Книг было крайне мало, только самый минимальный набор для богослужения — печатные на престольное Евангелие, два Октоиха, Триоди Цветная и Постная, Минея общая¹⁷. Во время пожара уцелели пятипудовый благовестный и два полупудовых зазванных колокола. Все это имущество являлось пожалованием царя Феодора Ивановича, вероятно, его привезли еще первые строители Пелыма в 1593 г. Часть икон и книг были «мирским прикладом».

К 1651 г. у церкви Рождества Христова появился еще один придел — во имя Алексия, человека Божия. Скорее всего, выбор его посвя-

¹⁴ Миллер Г. История Сибири. Т. II. М., 2000. С. 332.

¹⁵ Копийная книга «о опальных людех», сосланных в Сибирь в 1614–1624 гг. / подг. текста, вступ. ст. и комм. А. В. Полетаева. Екатеринбург, 2014. С. 183–184, 368.

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 274 об. К сожалению, из-за плохой сохранности документа описание внутреннего убранства церкви частично утрачено.

¹⁷ Там же. Л. 274 об. – 275. В Лаборатории археографических исследований УрФУ хранится Триодь Постная, напечатанная Андроником Невежей в Москве в 1589 г., с записью на нижнем поле одной из страниц «Сия книга Пельмского города». А. В. Полетаев и Е. А. Полетаева полагают, что это может быть Триодь Постная, пожалованная вместе с другим церковным имуществом царем Федором Ивановичем и привезенная воеводой П. Горчаковым в 1593 г. См.: Полетаев А. В., Полетаева Е. А. Записи на старопечатных книгах кирилловской традиции XVI–XVII вв. из собрания Лаборатории археографических исследований УрФУ // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 1 (17). С. 48–49.

щения связан с восшествием на престол царя Алексея Михайловича, его небесным покровителем считался святой Алексей, человек Божий. Если это действительно так, то придел мог быть построен не ранее 1645 г. В ноябре 1651 г. пельмский воевода Петр Львов получил царскую грамоту с указанием проверить состояние церковного имущества в соборной церкви. Скорее всего, эта грамота была направлена в ответ на челобитную о том, что священнические облачения и книги «гораздо ветхи», большой колокол разбит. Воевода составил роспись ветхого церковного имущества, в которую попали, помимо облачений, Евангелие на престольное из придельного храма во имя Алексия, человека Божия, Евангелие толковое, Постная и Цветная Триоди, два Октоиха, Минеи общая и служебная на март, Трефологион, Часовник, Псалтирь с воследованием, Устав, а также разбитый колокол¹⁸. Видимо, предполагалось, что взамен старого из Москвы пришлют новое имущество.

После проведения дозора 1625 г. в Пельме появилась церковь во имя Архистратига Михаила¹⁹. По мнению А. Т. Шашкова, ее строительство связано с видениями от иконы Архистратига Михаила, случайно оказавшейся в Пельме в конце 1621 г.²⁰ Будучи в Москве, десятник пеших казаков Петр Юрьев из Тары выменял в лавке иконного ряда икону Архистратига Михаила «на празелени» размером в аршин (около 71,1 см). В то же время в той же лавке покупал иконы пельмский сын боярский Константин Албычев для пельмской Рождественской церкви. Случайно или нет, но образ Архистратига Михаила вместе с покупкой К. Албычева был доставлен в Пелым. 28 декабря 1621 г. тарские воеводы Сила Вельяминов и Федор Скрябин обратились к пельмскому воеводе Петру Вельяминову с просьбой вернуть икону и послали за ней тарского казака Сидора Трофимова. Икона была найдена в Рождественской церкви, и Сидор уже готовился отправиться в обратный путь, но тут случились непредвиденные обстоятельства.

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 408. Л. 68, 69.

¹⁹ По данным конца XVII в., в Пельме была церковь во имя Архистратига Михаила с приделом во имя пророка Ильи, но не известно, когда появился придельный храм, сразу ли Михайло-Архангельская церковь была построена с приделом.

²⁰ Шашков А. Т. Строительство в крае первых православных храмов // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / сост. С. А. Белобородов, Н. А. Мудрова, А. В. Полетаев и др. Екатеринбург, 2003. С. 10–11.

Ночью 13 января 1622 г. стрелец Тит Иванов нес караульную службу и, «с караула сошедши», зашел в трапезную Рождественской церкви погреться и уснул там. Ему приснилось, как из церкви вышел старик и велел ему передать воеводе и «во весь мир», что если пелымцы отпустят икону Архистратига Михаила в Тару, то «над Пелымью будет горше веснушново, что было над Пелымским городом и над острогом и надо всем миром в прошлом 129 г.»²¹. Тит не придавал значения сну и не сообщил о видении.

Утром 14 января Сидор Трофимов вынес из церкви икону «к себе на подворье» и погрузил в обоз. На следующий день Тит вновь был на карауле, и видение повторилось. На этот раз старик не только уговаривал казака сообщить весть воеводе и миру, приводя резонный довод о Божественном провидении («коли бы де тот образ архистратига Михаила не изволил быть и на Пелым бы де не зашел»), но и грозил Титу «ослабленьем». Действительно, у казака отнялись руки и ослабели суставы. После этого миряне узнали о видении.

Для человека эпохи Средневековья вся жизнь выстраивалась в системе его религиозных представлений. По православному календарю люди датировали события, по церковному дневному кругу они вели счет времени. Так, в отписке тобольскому воеводе Матвею Годунову о пожаре 1621 г. в Пелыме воевода Петр Вельяминов писал, что это произошло «во 129-м году июня в 8 день, на память святого великомученика Федора Стратилата...загорелось после обедни порание полдень»²². Пелымцы восприняли июньский пожар как Божий гнев за умножение грехов, поэтому им был крайне важен любой знак Божьей милости. Видения Тита Иванова и стали для них сигналом о Божественной благодати. Жители города обратились к воеводе с челобитьем на имя царя Михаила Федоровича и попросили оставить икону в Пелыме, а в Тару послать деньги, либо заказать такой же новый образ в Москве или Тобольске. Все горожане, от мала до велика, под предводительством воеводы П. Вельяминова отправились с крестным ходом к Сидору Трофимову, забрали икону и под колокольный звон и пение молебнов перенесли ее в соборную церковь. Сидор отказался взять деньги за икону, сказав, что не знает, «что за тот образ промены дано, а прислан де на Пелым для образа, а не для

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 386–386 об. Речь идет об июньском пожаре 1621 г.

²² Миллер Г. История Сибири. Т. II. С. 311.

променных денег»²³. 15 января он уехал в Тару ни с чем, а воевода П. Вельяминов послал письмо тарским воеводам. Рассказав о чуде в Пельме, он просил сообщить, как можно рассчитаться за икону Архистратига Михаила, прислать ли за нее деньги или заказать новую. Об этих событиях было сообщено и архиепископу Киприану. К сожалению, ответ тарских воевод пока остается неизвестным.

Трудно сказать, действительно ли строительство церкви во имя Архистратига Михаила связано с вышеописанными событиями. Наши сомнения основаны на том, что, как показывает практика, подобного рода событиям посвящались обетные церкви, и они строились сразу же вслед за произошедшим чудом. В Пельме же видения случились в 1622 г., а в 1625 г. Михайло-Архангельской церкви еще не было.

Самый ранний документ, касающийся этого храма, который нам удалось найти, относится к лету 1658 г. 9 июля жители Пельма подали челобитную с просьбой разрешить стрелецкому десятнику Михаилу Дуленкову съездить в Верхотурье, чтобы нанять иконописца для создания икон в церковь Михаила Архангела²⁴. Поскольку эта инициатива исходила от мирян, то есть основания полагать, что эта церковь строилась и полностью обеспечивалась прихожанами. В окладных книгах выдачи жалованья клирикам ружных церковей сведения о ней отсутствуют, следовательно, духовенство и причт этого храма не получали руги и содержались на средства прихожан. Но возможна и другая трактовка ее статуса в православном ландшафте Пельма. Г. Миллер, посетивший Пелым в 1742 г., отметил, что службы в Рождественской церкви совершались зимой, а в Михайло-Архангельской — летом. Следовательно, городские церкви функционировали единым комплексом, очевидно, они имели и общий церковный штат. Не исключено, что такая ситуация сложилась с момента строительства церкви во имя Архистратига Михаила. Может быть, поэтому в окладных книгах отсутствуют данные о клире этой церкви.

Михайло-Архангельская церковь явно перестраивалась в силу каких-то обстоятельств. Как показывает история большинства сибирских церковей XVII в., главной причиной строительства новой церкви

²³ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 387 об.

²⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 731. В документе не указано, был ли у этой церкви придел во имя пророка Ильи.

были пожары. Описывая свою поездку по «верховым» городам Сибири в конце 1694 г., митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий упомянул, что он освятил в Пелыме «две церкви святые — великаго Архистратига Божия Михаила и святого пророка Илии»²⁵. Очевидно, речь идет о церкви во имя Архистратига Михаила с приделом во имя Ильи пророка, но престол с посвящением Архистратигу Михаилу уже был в Пелыме задолго до пребывания на Сибирской кафедре митрополита Игнатия. Освящение храма могло потребоваться только в том случае, если он был новым, поэтому можно предположить, что прежняя церковь погибла во время очередного пожара. Известно, что в 1691/92 г. «на старом острожном месте» был построен и новый острог вокруг посада²⁶. Не исключено, что старые острожные укрепления были уничтожены пожаром. В 1742 г. по-прежнему в Пелыме существовало только две церкви — Рождества Христова с приделом во имя святителя Николая Чудотворца и Архистратига Михаила с приделом во имя святого Илии пророка²⁷.

Представление о размещении приходских церквей в городском пространстве дает изображение Пелыма на чертеже Пелымского уезда из «Чертежной книги» С. Ремезова 1701 г.²⁸ Но насколько объективно оно отражало действительность? Так, В. И. Кочедамов считал, что подобного рода рисунки имеют весьма условный характер. «Пользуясь ими, — писал исследователь, — нам сейчас трудно составить верное представление о подлинном виде сибирских городов»²⁹. Е. В. Вершинин, напротив, считал, что обнаруженное им описание Пелыма 1623 г. «хорошо соотносится с изображением Пелыма из более поздней “Чертежной книги” Сибири С. У. Ремезова». По его предположению, «после очеред-

²⁵ Житие Симеона Верхотурского // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 203. Согласно Туринской заgonной книге 1694/95 г., митрополит Игнатий выехал из Туринска в Пелым 10 декабря 1694 г. См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1102. Л. 167 об.

²⁶ Первое столетие сибирских городов. С. 155.

²⁷ Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах... С. 220.

²⁸ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 году: в 2 т. Т. 1. Факсимильное изд. М.: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2003. Подобно другим сибирским городам, Пелым состоял из «города» — административного центра, защищенного острогом, и примыкавшего к нему посада, также обнесенного острожными укреплениями.

²⁹ Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 16.

ных пожаров архитектурный облик Пелыма возобновлялся в соответствии с первоначальной застройкой конца XVI в.»³⁰

Обратимся к сохранившимся документам. Они дают возможность сравнить описания укреплений, размеры «города» и острога Пелыма в 1620-е и 1700 гг.³¹ К первой (ранней) группе источников относятся царская грамота 1624 г.³² и неоднократно упоминавшаяся выше дозорная книга 1625 г.³³ Вторую группу документов составляют городской список 1700 г.³⁴ и рисунок С. Ремезова³⁵.

В целом описания укреплений 1623 и 1625 гг. совпадают, однако данные об их размерах разнятся (см. табл.).

Таблица

Протяженность городских и острожных стен Пелыма в XVII в.

Дата	«Город» (в сажнях)	Острог (в сажнях)	Источники
1623	170 / 154*	295	Грамота из Москвы в Пелым с описанием вновь построенных пелымских укреплений 1624 г.
1625	142,5	228, 25	Дозорная книга 1625 г.
1700	115,5	282,5	Городовой список 1700 г.
Кон. XVII — нач. XVIII в.	120	274	Чертежная книга Сибири, составленная С. У. Ремезовым

*сумма протяженности городских стен и ширины башен, полученная в результате наших вычислений.

³⁰ Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма 1623 г. С. 440.

³¹ Описание Пелыма 1701 г. основывается на данных городского списка 1700 г. См.: Первое столетие сибирских городов. С. 155–156.

³² Опубликована: Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма 1623 г. С. 442–444.

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 273–278 об.

³⁴ Первое столетие сибирских городов. С. 155.

³⁵ Чертежная книга Сибири.

Е. В. Вершинин обратил внимание на существенное расхождение итоговых данных, приведенных в грамоте 1624 г., и суммой протяженности городских стен, полученной в результате собственных вычислений³⁶. Он объяснил это тем, что длина стены измерялась по внутренней стороне, а общая сумма давалась по внешней стороне. Однако позволим себе усомниться в этом предположении. Итоговые цифры дозорной книги 1625 г. (см. табл.) совпадают с нашими подсчетами суммы длины стен и ширины башен³⁷. Следовательно, расхождение данных в документе 1624 г. вряд ли объясняется разницей в методике измерений. Дело в том, что царская грамота составлялась на основе отписок пелымского воеводы И. М. Вельяминова. Но насколько они были объективны? Если обратиться ко всему тексту грамоты, то становится очевидным стремление воеводы подчеркнуть свою значимость и достижения. Это делалось разными приемами, в том числе и указанием явно завышенной общей протяженности городских и острожных стен, построенных под его руководством. На наш взгляд, стоит больше доверять сведениям из дозорной книги 1625 г.

По сведениям из городского списка 1700 г., «город» был поставлен в 1671/72 г.³⁸ После 1625 г. протяженность его стен уменьшилась на 27 саженей, а острожные стены стали длиннее более чем на 54 сажени. Размеры «города» и острога на схеме Пелыма С. Ремезова отличаются от данных городского списка 1700 г., но они отражают ту же тенденцию (см. табл.)³⁹. После 1625 г. территория «города» явно уменьшилась, а площадь посада увеличилась. Возможно, эти изменения произошли при строительстве городских стен в 1671/72 г. Но они не могли не затронуть и внутригородскую планировку населенного пункта, поэтому вряд ли справедливо считать, что Пелым, изображенный С. Ремезовым, был таким же, как и в первой половине XVII в. В то же время схема С. Ремезова хорошо иллюстрирует городской список 1700 г.

Согласно описанию укреплений Пелыма 1623 и 1625 гг., посад, обнесенный острогом, примыкал к «городу» с южной стороны (рис. 1).

³⁶ Е. В. Вершинин вычислял протяженность городских укреплений без учета ширины башен, поэтому в его расчетах разница с указанной в документе общей протяженностью городских стен еще более существенна по сравнению с нашими расчетами.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 274 об.

³⁸ Первое столетие сибирских городов. С. 155.

³⁹ Очевидно, С. Ремезов пользовался другим источником.

За его пределами ближе к Тавде находились «поскотинные» луга. За западной стеной острога ближе к берегу Пелымки размещалось «государево поле», то есть десятинная пашня⁴⁰. В «Чертежной книге» С. Ремезова планировка Пелыма выглядит по-другому. На рисунке посад охватывает «город» с западной и южной сторон (рис. 2). Расширение посада произошло в результате того, что уменьшилась площадь «города», а также за счет разрастания жилой застройки в западном направлении. За городской стеной вдоль берега р. Пелымки, там, где в 1625 г. указывалось «государево поле», появились дворы, и западную стену острога продлили до Тюменской башни, стоявшей на северо-западном углу «города». За счет этого и произошло увеличение протяженности острожных стен.

В 1625 г. в «городе» располагались соборная церковь, воеводский двор, таможенная и съезжая избы, торговые лавки, 9 дворов ружников и 3 двора детей боярских⁴¹. Согласно описанию Г. Миллера 1742 г., «маленькая внутренняя крепость» («город») стала сугубо административным центром. Там находились только канцелярия, дом воеводы и амбар для хранения податного хлеба⁴².

Приблизительно так же, как описал Г. Миллер, выглядит «город» и на схеме С. Ремезова. Рождественская церковь изображена в южной, а Архангельская церковь — в западной части посада рядом с городскими стенами. Первый храм нарисован трехкупольным, рядом стоит обозначение «сц», то есть соборная церковь. На некотором расстоянии от него в северо-западном направлении изображена отдельно стоящая колокольня. Вероятно, она была общей для обеих церквей. Такое же размещение церквей указано и в описании Г. Миллера 1742 г.⁴³ Следовательно, после 1625 г. Рождественская соборная церковь либо была перенесена из «города» на посад, либо оказалась на посаде в результате переноса южной стены «города». Вероятно, она была убрана из административного центра в целях пожарной безопасности. Таким образом, перепланировка городского пространства привела к изменению размещения главных объектов православного ландшафта — церквей.

⁴⁰ Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма 1623 г. С. 444.

⁴¹ Буцинский П. М. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 160.

⁴² Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах. С. 220.

⁴³ Там же. С. 220–221.

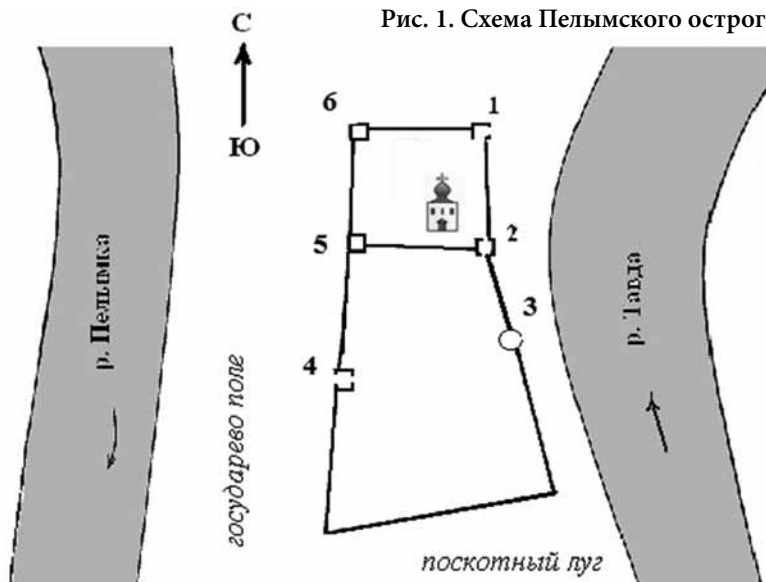
Соборная церковь в Пелыме задавала определенную «систему координат» в формировании православного ландшафта города. Это отразилось в названиях башен городских укреплений. В царской грамоте 1623 г. указаны названия только двух башен. Юго-восточная Рождественская и северо-восточная Никольская башни замыкали городовую стену по берегу Тавды. Они обе были проезжими, через первую проходила дорога, связывавшая административный центр и посад, также эта башня использовалась как дозорная. На ее шатре была сделана вышка, с которой открывался обзор «кругом Пелымского города в вогульские юрты верст по пяти и по шти и болши»⁴⁴. Никольская башня была установлена над воротами, через которые выходили к Тавде. Названия этих двух башен совпадают с посвящениями престолов соборной церкви. Думается, что такой выбор названий именно для этих башен был не случайным. Для Пелыма и тогда, и сейчас река Тавда является главной (а порой и единственной) транспортной артерией. Именно эти башни видели путники с реки, они были своеобразным «лицом» города. Их возводили для обороны города, а православные названия должны были обеспечить и сакральную защиту поселения.

Северо-западная городовая башня, расположенная со стороны Пелымки, в описании 1623 г. еще не имела названия, а в дозорной книге 1625 г. она поименована Тюменской. В 1622 г. для возведения пелымских укреплений были присланы 25 служилых людей из Тюмени и Туринска. Вероятно, с ними и связано название этой башни. В дозорной книге 1625 г. башня над воротами, через которые выходили из острога к Пелымке и к пашне, названа «Панской». Название «панская» или «панский» встречается в ранней топонимии сибирских городов. Так, в Тобольске известен «Панин бугор». Происхождение подобных названий историки объясняют тем, что на протяжении XVII в. в ссылке в сибирских городах оказывались выходцы из польско-литовских земель, в основном это были пленные. В гарнизоне Пелыма были литовские служилые люди из ссыльных. В отписке пелымского воеводы П. Вельяминова о пожаре 1621 г. упоминается литовская слобода, откуда и началось распространение огня⁴⁵. К 1700 г. Панская башня стала называться Никольской, и в укреплениях Пелыма стало две Никольских башни. Вероятно, это свя-

⁴⁴ Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пелыма 1623 г. С. 443.

⁴⁵ Миллер Г. История Сибири. Т. 2. С. 311.

Рис. 1. Схема Пельимского острога 1625 г.

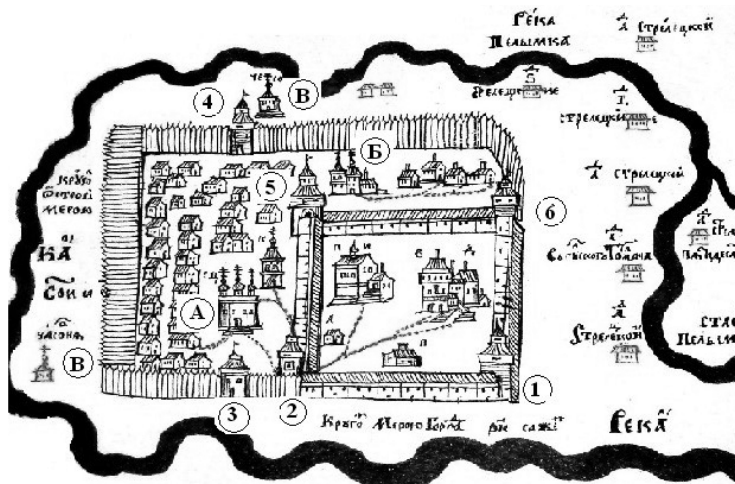

Условные обозначения

- – церковь во имя Рождества Христова и св. Николая Чудотворца
- – башни
- – ворота

- 1 – проезжая Никольская башня
- 2 – проезжая Рождественская башня
- 3 – водяные острожные ворота
- 4 – проезжая Панская башня
- 5 – наугольная башня
- 6 – Тюменская башня

Рис. 2. Схема Пельма из «Чертежной книги» С. Ремезова. 1701 г.

Условные обозначения

- А – церковь во имя Рождества Христова и св. Николая Чудотворца
- Б – церковь во имя Архистратига Михаила и св. Ильи Пророка
- В – часовня

- 1 – проезжая Никольская башня
- 2 – проезжая Рождественская башня
- 3 – водяные ворота
- 4 – проезжая Никольская башня
- 5 – Пельмская башня
- 6 – Тюменская башня

зано с большой популярностью святого Николая Чудотворца и у русского, и у коренного населения, а возможно — с переносом Рождественской церкви с приделом во имя Николая Чудотворца на посад. К началу XVIII в. юго-западная безымянная башня получила название «Пелымская», скорее всего, потому что находилась со стороны реки Пелымки⁴⁶.

На схеме С. Ремезова рядом с Пелымом изображены две часовни: одна — около впадения Пелымки в Тавду, другая — на берегу Пелымки недалеко от ворот, ведущих город. На современной карте южнее деревни Пелым на берегу р. Пелымки находится кладбище. Возможно, это место для захоронений было выбрано еще в XVII в., и одна из часовен, условно отмеченных С. Ремезовым, находилась на кладбище.

Дозорная книга 1625 г. является самым ранним документом, в котором указаны имена священников и причетников Рождественской церкви. Поскольку священно- и церковнослужители получали государеву ругу на протяжении XVII в., то сохранившиеся окладные книги Пельма позволяют проследить их родственные связи, а по фамилиям-прозвищам — места проживания до прихода в Сибирь. Согласно дозорной книге 1625 г., в «городе» находились дворы священников Рождественской церкви Федора Стефанова Ржевутина и Стефана Левонтьева Пермьяка. Последний явно переселился из пермских земель. Очевидно, оттуда же происходил и дьячок Андрей Федоров Пермитин, в 1625 г. у него еще не было своего двора, он жил на чужом подворье⁴⁷. В дозорной книге указан и двор церковной просвирницы Акилины Стефановой, но нет упоминаний о пономаре⁴⁸. Видимо, на момент проведения дозора причт соборной церкви не был укомплектован полностью. На протяжении всего XVII в. священники и причетники Рождественской церкви получали ругу деньгами, хлебом и солью. По данным 1625 г., у них также имелись небольшие покосы на реке Пелымке⁴⁹.

Двойной штат священников в соборной церкви небольшого города — большая редкость по тем временам. Заметим, что в ближайшей Таборинской слободе время от времени возникала проблема поиска но-

⁴⁶ Первое столетие сибирских городов. С. 156.

⁴⁷ Возможно, впоследствии он стал священником. В документе 1639 г. упоминается поп Андрей. См.: Первое столетие сибирских городов. С. 96.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 278–278 об.

⁴⁹ Там же. Л. 284–284 об.

вого священника в Преображенскую церковь. Сохранилась отписка Сибирского архиепископа Макария, отправленная осенью 1625 г. в Москву, с просьбой прислать четверых священников, в том числе и для таборинской церкви⁵⁰. Такая же ситуация возникла в 1635 г.⁵¹ Вероятно, пребывание в пелымской соборной церкви двух попов обусловлено тем, что им приходилось окормлять паству, проживавшую не только в городе, но и на большом расстоянии от него. Также Пелымский уезд издавна был районом сосредоточения вогульских ясачных волостей. Не исключено, что назначение двух священников в Пелым предполагало и возложение на них миссионерских обязанностей, хотя прямых указаний об этом в документах нам не встретилось.

В окладной книге на 1649/50 г. зафиксирована выдача окладов белым священникам Прокопию Федорову и Самсону Андрееву, а также черному попу Сергию Иванову, служившим в Рождественской церкви⁵². Назначение в соборную церковь помимо белых священников черного клирика (иеромонаха) — явление довольно редкое. Как правило, это было связано с потребностью окормлять монашествующих или строить монастырь. Так, в письме пелымскому воеводе П. Вельяминову 1622 г. Сибирский архиепископ Киприан обозначил круг обязанностей черного священника Исаяи, посланного в Таборинскую слободу. Ему предстояло освятить новый Преображенский храм и служить Четырехдесятницу, а также «будет совместно монастырь заводить и братию собирать»⁵³. Но в Таборинской слободе монастыря так и не появилось. Назначение черного попа Сергия Иванова в пелымскую соборную церковь можно расценивать как новую попытку организовать обитель в Пелыме.

Священники приходских церквей в ранних сибирских городах играли важную роль в местном социуме, они знали и общались с каждым прихожанином своей церкви, в праздники и горестные дни болезней и смертей посещали их дома. В конфликтных ситуациях городские власти апеллировали к авторитету духовных отцов. Часто вместо своих духовных детей священники подписывали челобитные. В таком неболь-

⁵⁰ Тобольский архиерейский дом в XVII веке / сост. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. С. 225.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 165. Л. 81.

⁵² Там же. Оп. 1. Д. 225. Л. 290 об.

⁵³ Там же. Ф. 199. Оп. 2. Д. 478. Ч. 2. Л. 2.

шом городе, как Пелым, где, по сути дела, все городское сообщество составляло одну приходскую общину, фигура священника была особенно заметна. Сохранившиеся документы дают нам редкую возможность показать это на примере попа Федора Степанова Ржевутина. Впервые его имя встречается в дозорной книге 1625 г. как владельца двора в «городе»⁵⁴. Прозвище-фамилия «Ржевутин» дает основание предположить, что его родовые корни связаны с Ржевой Пустой, расположенной на границе новгородских и литовских земель⁵⁵.

Пелым, как и многие сибирские города, стал местом ссылки не только для военнопленных, но и людей, совершивших различного рода преступления. В течение 4-х лет пелымцам не давал спокойно жить ссыльный ярославец Мишка Нестеров Серебряник, присланный в 1635 г. Подробное описание его «подвигов», в том числе и до отправки в Сибирь, содержится в отписке пелымского воеводы А. В. Усова 1639 г.⁵⁶ В 1634 г. жители Ярославля отправили в Москву несколько челобитных «про воровство» Тишки, Мишки и Любимки Нестеровых детей Серебряниковых и Куземки Саурова. К тому времени они уже имели богатое криминальное прошлое. Когда-то, будучи в Москве, братья Серебряниковы украли у Куземки Саурова «денежные снасти» и «по многие годы» занимались фальшивомонетничеством. В конце концов они были пойманы и «с пытки» признались в содеянном. Их приговорили к смертной казни, но по указу царя Михаила Федоровича помиловали. Получив свободу, братья Серебряниковы вместе с тулениным сыном боярским Степаном Неверовым принялись за изготовление ложных кабал и «записей воровских» «в великих денгах», мастерски подделывая подписи уже умерших подьячих. С помощью этих подделок они «испродали и убытчили» многих ярославцев, а кое-кого довели до полного разорения. Мошенничество Серебряниковых было доказано, и братьев отправили в ссылку по разным городам.

В 1635 г. в Пелым были сосланы «за воровство» Мишка Нестеров Серебряник и Куземка Сауров, царской грамотой предписывалось не выпускать их из города. Однако в ссылке Мишка решил продолжить

⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 278 об.

⁵⁵ Подробнее о Ржеве Пустой см.: *Пиотух Н. В.* Ржева Пустая // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 175–178.

⁵⁶ Первое столетие сибирских городов. С. 95–98.

прежние занятия. В 1636 г. он попытался нанять за 5 руб. енисейского ссыльного стрельца Вихорка Клементьева «писать нарядно кабалы» на ярославского посадского торгового человека Онкудина в 300 руб. У Мишки даже была заготовлена бумага для столбца с подписями послухов «мастерсково писма» и образец кабалы. Но Вихорка не стал брать грех на душу и показал бумагу и образец своему духовному отцу, рождественскому попу Андрею. Священник дал ему совет порвать образец, а столбец с подписями вернуть Мишке. Видимо, стрелец так и поступил, но ссыльный ярославец ему этого не простил.

С 1636 г. воевода А. В. Усов стал получать жалобы жителей Пелыма на Мишку Серебряника — то он грозился «красть клетки и онбары ломать» у служилых, то зарезал лошадь у крестьянина, то «изутра рано и ввечеру поздно ходит по улицам неведомо для чево, и хто ево спросит, он <...> всяким воровским делом угрожает». За свои проделки Мишка получал наказания, но это его не останавливало. Так, в 1637/38 г. «в братчине у пелымского стрелца Ивашка Лучникова» Мишка поранил ножом своего неудавшегося подельника Вихорка Клементьева. Воевода А. Усов велел посадить его в караульню около городских ворот, но, оказавшись взаперти, Мишка закричал «государево дело» на рождественского попа Федора Степанова, пелымского стрельца Ондрышку Конюхова, Вихорка Клементьева и воеводского человека Ивашку. Однако на следующий день Мишка принес воеводе в съезжую избу повинную челобитную «в своем воровстве». Он был жестко наказан и дал поручную запись, что не будет «вперед воровать, ни на ково безделья и государевых дел» затевать.

Но Серебряник все же не оставил в покое Вихорка Клементьева и 31 января 1639 г. поджег его избу. Жители города хорошо помнили весь ужас пожара 1621 г., и когда они узнали о поджоге, то «всем миром» чуть не убили Мишку прямо в съезжей избе. Серебряник вновь «завопил» «государево дело» на Вихорку Клементьева, воеводского человека Ивашку и самого воеводу Андрея Усова. Лишь после этого воевода отнял его «у мира» и отдал «за пристава», а жители города во главе с духовенством подали А. Усову челобитную на Мишку Серебряника «в его воровстве».

7 февраля 1639 г. случилось еще одно происшествие — скончался ярославец Куземка Санауров, сосланный в Пелым вместе с Мишкой Серебряником. По всем признакам выходило, что его отравили. Еще

28 января стрелец Офонка Черкашенинов сообщил воеводе, что Санауров лежит в своем доме и стонет. На вопрос «что произошло», Куземка «пропищал», что его «окормили» Мишка Серебряник и ссыльный бывший подьячий Патриаршего двора Семейка Рогачов. Воевода отправил к больному священника Федора Степанова, целовальника Калининку Вискунова и стрельца Дорофейку Порошина. Он поручил попу «в духовне» допросить Куземку, «самоволна ли на него болезнь или от людей наслана». Вернувшись в съезжую избу, посланцы сообщили, что Куземка находится при смерти и считает своими отравителями Мишку Серебряника и Семейку Рогачова. Дело в том, что воевода и раньше получал изветы о том, что Семейка занимается ворожбой. Поджог избы Клементьева и смерть Санаурова заставили воеводу А. Усова серьезно беспокоиться о том, что еще могут натворить в Пелыме Серебряник и Рогачев. 24 марта 1639 г. пелымский сын боярский Константин Албычев привез в Москву отписку воеводы А. Усова с просьбой забрать из Пелыма этих двух ссыльных. На документе есть помета о том, что боярин князь Борис Михайлович Лыков приказал перевести их из Пелыма в Тобольск, а тобольским воеводам пытать воров «во всем накрепко», особенно об объявлении «государева дела», а также провести сыск по всем фактам их «воровства» в Пелыме. Эта история красноречиво показывает, какую роль играли священники в местном сообществе. Прихожане обращались к ним за советом, как, например, Вихорка Клементьев к попу Андрею. Священник Федор Степанов принимал активное участие в защите горожан от Мишки Серебряника, очевидно, поэтому он и попал в перечень тех, на кого преступник крикнул «государево дело». В критической ситуации с Куземкой Санауровым у воеводы А. Усова была единственная возможность узнать истину — это поручить попу Федору расспросить «в духовне» умиравшего.

Поп Федор Степанов Ржевутин стал родоначальником первой священнической династии в Пелыме. Имя его сына, рождественского попа Прокопия Федорова Попова встречается в окладных книгах за 1649/50 — 1663/64 гг. Второй его сын Демка Федоров Попов служил дьячком в той же церкви. Он отмечен в окладной книге за 1659/60 г. Однако в 1664/65 г. его уличили в двоеженстве и отстранили от службы в церкви. Ему ничего не оставалось делать, как искать себе новое занятие. Демка подал челобитную воеводе М. И. Майорову с просьбой опреде-

лить его в казачью службу, и воевода поверстал бывшего дьячка на место умершего казака Тарасия Зуева. Как выяснилось позже, М. Майоров не особо прислушивался к царским указам и верстал в казачью службу по своему усмотрению. Однако в сентябре 1666 г. пелымский казак Терентий Артемьев сын Коркунов, несший службу в Даурии, подал челобитную на имя царя о том, что Демка поверстан на место Тарасия незаконно, а по царскому указу этот оклад должен был перейти к Терентию. Новым царским указом справедливость была восстановлена, но новому пелымскому воеводе И. Панину предстояло найти вакантное место для бывшего дьячка⁵⁷. В то время в сибирских гарнизонах грамотных людей было мало, поэтому Дементий Федоров Попов не остался без службы.

Таможенные книги Пелыма за 1675/76–1677/78 г. свидетельствуют о том, что стрелец Дементий Попов был весьма предприимчивым человеком. Он продавал ячмень и лошадей пелымским и кондинским вогулам, иногда менял их на пушнину. Дементий имел определенный круг покупателей, возможно, был связан с ними по служебным надобностям, например, посещал их во время сбора ясака. В книгах отмечены его разовые поездки в Соль Камскую и Туринск с мехами — явно по торговым делам. В марте 1678 г., будучи в посылке к озеру Ямышу за солью, он купил у тобольского стрельца Омельки Политова калмыцкого ясыря Алешку 12-ти лет. В 1678/79 г. Дементий Попов выполнял обязанности таможенного головы⁵⁸.

Из документов пелымского делопроизводства нам известен еще один случай, когда сыновья священников начинали свой трудовой путь в качестве причетников в храмах, где служили их отцы. Так, в конце XVII в. в Рождественской церкви священником был Андрей Андреев Крайчиков, а обязанности дьячка выполнял его сын Иван Андреев Крайчиков⁵⁹.

Первая половина XVIII в. стала периодом постепенного увядания Пелыма. Существенно сократилась численность населения. Город окончательно утратил свое военно-политическое значение, бесперспективность

⁵⁷ РГАДА Ф. 214. Оп. 3. Д. 689. Л. 36, 70.

⁵⁸ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 4. Тюмень, Пелым / сост. З. В. Башкатова, В. Н. Курилов, И. Р. Соколовский. Новосибирск: «РИПЭЛ плюс», 2001. С. 100–104, 110, 111, 117, 119–121.

⁵⁹ ТГИАМЗ КП 12833. Л. 1.; КП 12844. Л. 1; КП 12836. Л. 1.

сельскохозяйственных занятий привела к исчезновению крестьянского сословия. У Пельма остались две основные функции — место ссылки и центр сбора ясака с вогулов, проживавших в уезде. Поэтому сложившийся в XVII в. православный ландшафт Пельма не получил дальнейшего развития и практически оставался в неизменном виде и в XVIII в.

Список литературы

1. Буцинский П. М. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. М., 2012. 320 с.
2. Вершинин Е. В. О постройке оборонительных укреплений Пельма 1623 г. // Проблемы истории России. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 438–444.
3. Копийная книга «о опалных людех», сосланных в Сибирь в 1614–1624 гг. / подг. текста, вступ. ст. и комм. А. В. Полетаева. Екатеринбург, 2014. 438 с.
4. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978. 190 с.
5. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / подг. текста, предисл., комм. Е. К. Ромодановская, О. Д. Журавель. Новосибирск, 2001. 440 с.
6. Миллер Г. История Сибири. Т. I. М., 2005. 360 с.
7. Миллер Г. История Сибири. Т. II. М., 2000. 796 с.
8. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / пер. и подг. текста, предисл., комм. А. Х. Элерта. Екатеринбург, 2006. 416 с.
9. Первое столетие сибирских городов. XVII век / сост. Н. Д. Зольникова, А. И. Мальцев, Д. Я. Резун. Новосибирск, 1996. 296 с.
10. Пиотух Н. В. Ржева Пустая // Вопросы истории. 1992. № 11–12. С. 175–178.
11. Полетаев А. В., Полетаева Е. А. Записи на старопечатных книгах кирилловской традиции XVI–XVII вв. из собрания Лаборатории археографических исследований УрФУ // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 1 (17). С. 38–112.
12. Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 4. Тюмень, Пелым / сост. З. В. Башкатова, В. Н. Курилов, И. Р. Соколовский. Новосибирск: «РИПЭЛ плюс», 2001. 152 с.
13. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / сост. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. 294 с.
14. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым в 1701 году: в 2 т. Т. 1. Факсимильное изд. М.: ОБФ «Возрождение Тобольска», 2003.
15. Шашков А. Т. «Земли сибирския город Березов» // Он же. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 683–710.
16. Шашков А. Т. Строительство в крае первых православных храмов // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / сост. С. А. Белобородов, Н. А. Мудрова, А. В. Полетаев и др. Екатеринбург, 2003. С. 6–14.

Irina L. Mankova

THE ORTHODOX LANDSCAPE OF PELYM IN THE 17TH — FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY

Abstract

In the article the Orthodox landscape of Pelym, one of the first Russian settlements beyond the Ural Range, is considered in a broad cultural context. The history of the parish churches of Pelymsky Ostrog has been reconstructed on the basis of a significant number of sources from its founding until the middle of the 18th century; the location of temples in the city space, the choice of names for the churches, the ensuring staff of clergymen as well as the first church libraries and icons are analyzed here. Special attention is paid to the role of priests in the local community. The Orthodox toponymy of Pelym is considered by reference to the examples of names of the watchtowers and city towers.

The author concludes that transformation of Pelymsky Ostrog's role in the development of the Ural-Siberian region from the position of a colonization center to a place of exile and collecting the tribute from the Vogul population of the surrounding territory led to the situation when further development of the Orthodox landscape that formed in the 17th century could not continue.

Keywords: *History of the Orthodox in the medieval Siberia, Orthodox landscape, parish churches, Pelym.*

References

1. Bashkatova Z. V., Kurilov V. N., Sokolovsky I. R. (eds.). *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII veka* [Custom Register Books of the Siberian cities of the 17th century. Issue 4. Tiumen', Pelym]. Novosibirsk: «RIPEL plius», 2001. 152 p.
2. Butskinskii P. M. *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee naseľnikov* [Colonization of Siberia and everyday life of its' first dwellers]. Moscow, 2012. 320 p.
3. *Chertezhnaia kniga Sibiri, sostavlennaia tobol'skim synom boiarskim S. U. Remezovym v 1701 godu: v 2 t.* [The Drawing Book of Siberia compiled by the Tobolsk boyar's son S. U. Remezov in 1701: in 2 vols.]. Vol. 1. Facsimile edition. Moscow: OBF «Vozrozhdenie Tobol'ska», 2003.
4. Elert A. Kh. (ed.). *Severo-Zapadnaia Sibir' v ekspeditsionnykh trudakh i materialakh G. F. Millera* [The North-Western Siberia through the expedition's materials and works of G. F. Miller]. Ekaterinburg, 2006. 416 p.
5. Kochedamov V. I. *Pervye russkie goroda Sibiri* [The first Russian cities in Siberia]. Moscow, 1978. 190 p.
6. Miller G. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Moscow, 2005. 360 p.
7. Miller G. *Istoriia Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, 2000. 796 p.

8. Piotukh N. V. Rzheva Pustaia. *Voprosy istorii — Questions of History*, 1992, nos. 11–12, pp. 175–178.
9. Pokrovsky N. N., Romodanovskaia E. K. (eds.). *Tobol'skii arkhieieiskii dom v XVII veke* [Tobolsk Bishop's House in the 17th century]. Novosibirsk: Sibirsky khronograf, 1994. 294 p.
10. Poletaev A. V. (ed.). *Kopiinaia kniga «o opalnykh liudekh», soslannykh v Sibir' v 1614–1624 gg.* [Manuscript Book of Copies of the Orders (Kopyinaya kniga) concerning “the people in disfavor”, exiled to Siberia in 1614–1624]. Ekaterinburg, 2014. 438 p.
11. Poletaev A. V., Poletaeva E. A. Zapisi na staropechatnykh knigakh kirillovskoi traditsii XVI–XVII vv. iz sobraniia Laboratorii arkhieograficheskikh issledovaniia UrFU [Notes in the old-printed books of Cyrillic tradition of the 16th–17th cc. from the collection of the Archeography Research Laboratory of the Urals Federal University]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2017, no. 1 (17), pp. 38–112.
12. Romodanovskaia E. K., Zhuravel' O. D. (eds.). *Literaturnye pamiatniki Tobol'skogo arkhieieiskogo doma XVII veka* [The Literary Monuments of the Tobolsk Bishop's House of the 17th century]. Novosibirsk, 2001. 440 p.
13. Shashkov A. T. «Zemli sibirskiiia gorod Berezov» [The Berezov city of the Siberian land]. *Shashkov A. T. Izbrannye tridy* [Selected Works]. Ekaterinburg, 2013, pp. 683–710.
14. Shashkov A. T. Stroitel'stvo v krae pervykh pravoslavnykh khramov [Construction of the first in the province Orthodox churches]. *Knizhnye sokrovishcha Iugry: Rukopisnye i staropechatnye knigi iz sobranii goroda Khanty-Mansiiska* [The literary treasures of Yugra: Manuscripts and Old-printed books from the collections of Khanty-Mansiysk city] (eds. S. A. Beloborodov, N. A. Mudrova, A. V. Poletaev, et al. Ekaterinburg, 2003, pp. 6–14.
15. Vershinin E. V. O postroike oboronitel'nykh ukreplenii Pelyma 1623 g. [About the construction of defensive fortifications of Pelym in 1623]. *Problemy istorii Rossii — Problems of History of Russia*. Ekaterinburg, 2003, issue 5, pp. 438–444.
16. Zolnikova N. D., Maltsev A. I., Rezun D. Ia. (eds.) *Pervoe stoletie sibirskikh gorodov. XVII vek* [The first 100 years of the Siberian cities. The 17th century]. Novosibirsk, 1996. 296 p.